

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А18

Обложка *Андрея Осипова*

Аваков, Владимир Эдуардович.
А18 Слово и дело государево / Владимир Аваков. — Москва :
Аваков В., 2026. — 528 с.

ISBN 978-5-6056343-0-0

Известный аналитик и консультант Олег Петрович Гребнев считает ходы наперёд, не путает жизнь с литературой и имеет свой взгляд на скрытые причины трагической дуэли Пушкина. Вовлечённый в тайную сделку с документами, возможно проливающими свет на секреты истории, Гребнев обнаруживает, что стал игрушкой спецслужб, и подвергается смертельной опасности. Привычный мир оказывается расколот: вокруг имени Пушкина и самого Гребнева складываются странные совпадения и необъяснимые события — от рекламных «переписываний классики» до закрытых переговоров и людей, которые говорят о словах так, будто это оружие.

Гребнев получает ярлык бесчестного человека и в то же время участвует в секретной операции, затрагивающей высшие государственные интересы. Её возможный итог — раскрытие информации о подломе деянии, которое остаётся таким даже за давностью лет, и обнаружение «ключей» к человеческой душе, что способно навсегда изменить действительность.

Срок отмеривают таймеры, условия — как на дуэли, любая ошибка станет фатальной. Чем ближе развязка, тем яснее: противостоят друг другу не люди, а смыслы.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-6056343-0-0

© Владимир Аваков, текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Заснеженное поле, чёрный перелесок, студёное небо и гул ветра.

Руки с обшлагами на рубашках берут с бордового ложемент шкатулки пистолеты из дуэльного комплекта. У пистолетов длинные стволы и рукоятки с металлическими накладками.

Дуэлянты и секунданты расходятся в трёх направлениях, оставляя следы на снегу.

Камера взмывает высоко вверх. Людей становится трудно различить на снежной белизне: непонятно, кто на какой стороне. Звучащий музыкальный ритм заставляет считать секунды — последние мгновения судьбы.

Пистолет в вытянутой руке наведён на невидимого противника, но ствол обращён на зрителя — нет, на всех зрителей сразу. Курок взведён. Человек с холодным взглядом смотрит или прицеливается, не прищуривая левый глаз. Рука тверда. На лице сомнений нет.

Напряжение в высшей точке. Должен прозвучать выстрел, а дальше — смерть... Но выстрела нет. Ни крови, ни смерти...

Музыкальная тема меняется на лирическую — любви, но трагической, несчастливой. На экране разлетаются исписанные бумажные листы, и среди них образуется красно-чёрное пространство, в середине которого на фоне интерьера светской гостиной белыми буквами прописывается слово «Онегин».

В следующем кадре — зелёное лето.

«Непонятно... — подумал Гребнев и остановил воспроизведение видео. Эпизод он пересматривал третий раз. — Тот, который приготовился стрелять, явно Онегин... Прервать рассказ в момент, когда решается ещё неизвестная судьба персонажей, приём не новый, его задача — подогреть зрительский интерес. А тут всё и всем известно. Или теперь, приступив к повествованию от событий, происходивших до поединка, автор намекает, что действующие лица по ходу истории будут что-то говорить и делать, но в действительности готовиться именно убить друг друга? А может, просто выдал герою „визитную карточку“, позволил визуально представиться в начале знакомства: „Я — хладнокровный убийца, а вы кто?“ Да, и все полезли в карманы за своими визитками... И ещё: никто не говорит ни слова, потому что сказать уже нечего: слова — пустой звук, им никто не верит? Или под дулом пистолета обращаются только к Богу, а Богу слова не нужны, ему известны дела? И потом, белые заснеженные поля — это девственная чистота начала или заледенелая пустыня, где всё уже мертво? Что наступает после зимы, известно, но где подсказки, ведь возможны варианты: весна, например, с оттепелью, лето может быть холодное, что там ещё?.. И главное, теперь уже не Пушкин решает, какие вопросы задавать и что за ответы давать, а режиссёр, которого и в кадре нет. Загадки объяснят, как всегда, в конце. Но то, что убьют, — это точно, написанную историю не изменить».

Гребнев, не замечая того, погрузился в глубокую задумчивость.

«Если убьют...

Каждый, не видя, представит тело, распостёртое на снегу, испачканном красными пятнами крови. Снежинки ложатся на бледное лицо и не тают. Смотреть на костенеющий труп

страшно, представлять тоже должно быть страшно и дико. Простые чувства способны ощутить все.

Затем часть людей осознаёт: в груди остывает горячая пуля, жизнь только что светилась в глазах, играла на губах, и вот её нет, нет совсем и не будет никогда, пришла смерть... Понимать это — значит почувствовать ужас.

Крики и чьи-нибудь порывистые движения, птицы, напуганные выстрелом, облака в бездонном небе... Всё это работает, но второстепенно. Что на первом месте? Точно не цветная картинка, на которую все смотрят.

В чём тайна? Что-то в словах или в сочетании звуков? Пушкин, отвечайте на мой вопрос. Почему у вас получилось? Молчите... Можете делать вид, что не слышите, я всё равно пойму. Сам. Обязательно».

Гребнев будто очнулся. Вздохнув, он заколебался, стоит ли продолжать просмотр — настрой не тот, так ничего не поймёшь и не отдохнёшь. «Зачем эта двусмысленность, демонстративное замалчивание, покров таинственности? Если тайна накладывается на тайну, то всё становится одной большой тайной, разобраться в которой непросто. Может, не надо разбираться, не нашего ума дело?»

Интерес Гребнева к «Онегину» пробудила жена Светлана. В разговоре за ужином она с увлечением рассказывала их дочери Катерине, что по одной из теорий роман «Евгений Онегин» — мениппея.

— Так писали в Древней Греции — одновременно серьёзно и смешно. Это античный жанр: о трагическом говорят с улыбкой и общей пародийной установкой. Те, кто видит мениппею, предлагают не воспринимать текст буквально, а думать над содержанием и смыслами, которые лежат не на поверхности. В данном понимании фигура Онегина — пародия. Большинство

не видят этого в романе. Люди вообще спешат переворачивать страницы — их увлекает пушкинская строфа и развитие сюжета. В результате ускользает полный смысл.

— Нам не говорили, — подтвердила дочь.

— С чего кто-то решил, что текст надо понимать глубже, чем видится с первого прочтения? — вмешался в разговор Гребнев.

— Приводят разные аргументы. Например, Пушкин упомянул в письме, что приятель смотрит на роман «не с той точки зрения», чтобы понимать верно. А этот его приятель читал, как все, и терял из виду глубину авторского повествования, — пояснила Светлана. — Таково мнение нескольких исследователей. Мне показалось интересным.

— Над смертью Ленского надо смеяться? — Гребнев показывал сдержанность в эмоциях и не улыбался. — А я читал, что Пушкин невольно описал обстоятельства своей гибели, которую предвидел. Будем иронизировать над Пушкиным?

— Ты не понимаешь... — Светлана хотела продолжить, но Гребнев заговорил опять.

— Большого значения в подходе к тексту, по существу, уже нет. Вряд ли рядовой читатель способен сегодня понять смысл, который заложили в произведение двести лет назад. Читатель в этом и не нуждается. Общество изменилось, образы устарели, остались только страсти и их внешнее проявление. И на них мы можем посмотреть с интересом, это доступно и привлекает. — Гребнев сделал из хрустального бокала глоток красного вина.

Светлана старалась обращаться к дочери, а на мужа бросала лишь короткие взгляды.

— Онегин умён, но никто для него ничего не значит. Его отношения с людьми лишены теплоты человеческих чувств, они пусты и прикрыты представлениями о чести, которые он

сам готов нарушить, если захочет. Он уважает себя, но, по сути, смешон, как воздушный шарик, и может только громко лопнуть.

Гребнев сохранял спокойствие.

— Таким, как он, нет места в сегодняшнем обществе, и общества того тоже нет. Он был продуктом своего времени, а сейчас оно совершенно другое. У нас нет даже критериев, чтобы его понять. Сегодняшние оценки явно не подходят для истории, которой два века. О том, что он представлял из себя, можно только гадать. Но я ценю твоё умение быстро ориентироваться в теме. — Гребневу нравилось иногда обсуждать с женой теоретические вопросы и вступать в небольшую дискуссию. О работе он старался дома не говорить.

— Почему быстро? Любая девочка, прочитав роман ещё в школе, задумается над тем, чтобы не встретить такого человека и не довериться ему, если сама не глупышка. А таких, как он, можно встретить сегодня без труда. — Светлана перевела взгляд с дочери на мужа.

Гребнев решил, что обсуждение пора заканчивать и продолжать ужин.

— Это история о великой любви — так говорят создатели рекламного ролика к фильму «Онегин», — сделал он общий вывод.

Светлана отложила ложку и произнесла:

— Для кого-то да, они видят, что главное в рассказе — чувства. Другие считают, что роман — о погубленных жизнях, а великими признают талант Пушкина, его литературный язык и стихотворную форму «Евгения Онегина».

— Папа, ты испачкал футболку, — заметила Катерина.

Гребнев обнаружил на груди каплю от пролитого вина.

— Ничего, постирать — не останется и следа. — Надо было показать дочери, что слова отца означают больше, чем просто

слова, и он добавил: — Я занимаюсь важным проектом, но скоро всё закончится. — Это прозвучало серьёзно, но на губах его играла лёгкая улыбка. — Может быть, мне дадут награду, а ты успешно сдашь экзамены и мы поедем отдохнуть куда-нибудь на острова. Вы с мамой решите.

Цель была достигнута: непонятный диалог прекратился. Разговор поменял тему и переключился на летний отпуск, Катерина в восторге поцеловала Гребнева в щёку, а Светлана, казалось, забыла о споре. Отдохнуть на островах он давно хотел.

Вопрос, которым он занимался, был известен единицам, но, как считал Гребнев, касался всех и каждого. Свободно говорить о деле не представлялось возможным: информацию засекретили, установив режим государственной тайны, — и он напряжённо ожидал наступления событий, обусловленных этой строго закрытой темой. Время к тому быстро приближалось.

Возвращаясь к ужину, Гребнев привычно подумал, что характер у Светланы есть, но вполне сносный, и она терпелива, что делает брак счастливым. Жена, считал он, красивая женщина. Она была моложе его на пять лет, носила каскадное каре на волосы средней длины, выглядела стройной и в спор вступала редко. Внешне они хорошо подходили друг другу, и знакомые говорили, что из них сложилась отличная пара. Довольный Гребнев горделиво думал, что по-другому быть не могло, и часто любовался Светланой со стороны, при этом считая себя умнее. Но на его самомнение никто в семье и не посягал. Имея журналистское образование, жена успешно вела в мессенджере личный тематический канал о том, что такое «жить по-человечески» и как такую жизнь себе устроить, простыми словами рассказывая о разном: что такое хорошо и что такое плохо, о вере, надежде, любви, отношениях — и обо всём

в таком духе. Гребнев интересовался её записями, но считал, что это темы для подростков.

Дочь окончила школу, и в ближайшее время ей предстояли вступительные испытания в вуз. Катерина готовилась поступать в МГИМО на факультет международного права.

Оказавшись в одиночестве в спокойной обстановке, Гребнев об этом разговоре вспомнил. Он был аналитиком и привык думать о последствиях всего, да и в семейных отношениях всегда оставался внимателен, но при обсуждении «Евгения Онегина» обнаружилось явное несовпадение их с женой мнений и возник небольшой спор. Она когда-то начинала трудовой путь театральным критиком и имела право на собственный профессиональный взгляд. Это вопросов не вызывало. Необычным было то, что Гребнев не совсем понял, о чём говорила Светлана, а жена не услышала его, и показалось, что говорили они о разном.

«О чём мы вообще говорили? Онегин плохой человек и любить его не следует? По Пушкину выходит, что жизни Онегина и Татьяны де-факто кончены — продолжения не будет. Тогда почему на последних страницах Пушкин показывает, что Татьяна страдает от любви? На что он намекает, и от чего она страдает, если надо всё забыть? А если это не последние страницы и есть ещё что почитать? Вдруг Пушкин что-то написал там... Там вообще может найтись все что угодно. Что Светлана имела в виду?»

Стоит ли во всём этом разобраться, актуален ли вопрос для кого-то, кроме школьников? И какой вопрос? Например, такой: следует ли любить плохого человека? Ещё, конечно, надо доказать, что он плохой. Однако всё это довольно далеко, а мне надо больше времени уделять семье, и работа — не оправдание», — таков был частичный итог размышлений.

Про особый взгляд на «Евгения Онегина» Гребнев раньше не слышал. Как человек серьёзный и одновременно любитель посмеяться, он допустил, что роман, как и большинство читателей, не понял или понял не так, как задумал автор. Гребневу захотелось, ни с кем не обсуждая, внести ясность, имеются ли в тексте, прочитанном под новым углом зрения, смыслы, которые раньше для него не проявлялись. Но ломать голову над книгой не хотелось, проще было пересмотреть кино.

Фильм вышел на экраны в марте, накануне Международного женского дня. Звучного слогана у него не было, но сборы всё равно превысили потраченный на него бюджет. Некоторые онлайн-кинотеатры, не сомневаясь, указывали в сценаристах Александра Пушкина, другие о соавторстве поэта не упоминали.

Гребнев посмотрел фильм по приглашению на премьерном показе. Там, признавая, что история, рассказанная Пушкиным, — «о великой любви», он интересовался, как снята сцена дуэли и в чём заключаются режиссёрские идеи и находки. Выяснилось, что кино являлось экранизацией, но... Онегин по ходу дела стрелял шесть раз и два раза убил Ленского — выстрелом из пистолета и броском кинжала в сердце. Гребнев заметил, что трейлер фильма в деталях не совпадает с самим фильмом, но кто разглядывает детали? Тогда он обратил внимание на актрису, исполнившую роль Татьяны, и она показалась ему весьма привлекательной. В то же время разброс мнений об игре актёров был широк.

Посчитав, что всё понятно, Гребнев «поставил галочку» и знание о фильме убрал в папку с отработанной информацией. Теперь же, после разговора со Светланой, к нему приходилось обращаться вновь.

Разобраться в смыслах в этот раз не получилось. Возникшее желание повторно пересмотреть, «как там показали», пропало,

а вернуться к тому, «что там показали», он успеет. Время ещё будет.

— Не сейчас... — негромко сказал Гребнев, окончательно решив, чем займётся, и переключил изображение на экране монитора на начальную страницу онлайн-кинотеатра.

Отказываться от намерения посмотреть «нужный» фильм он не стал, а начал перебирать рекламные постеры и пробегать глазами аннотации новых предложений, хотя думал не совсем о выборе. «Истории о любви показывают в любых интерьерах — и в сегодняшних обстоятельствах, и на один или два века раньше. Главная тема может иметь оттенки: серые, нетрезвые, комедийные, мафиозные, космические, катастрофические — какие угодно, но необходимо включать кровь и смерть. Зрителям интересно, они заплатят, — думал Гребнев. — Поставим вопрос по-другому: о чём снимать в интерьерах текущего дня? Чтобы вышел из квартиры на улицу, и вот та самая тема. Из квартиры можно не выходить и даже нос не высовывать — тему назовут телевизор, радио и Интернет. Интересно? Зависит от того, как снимать. Например, в варианте про карточный домик интересно. Но уже смотрели. В этой теме кровь в разных количествах — обычный элемент сценария, но требуется ответить на вопрос, во имя чего? Возможные варианты: во имя государственных интересов или на фоне личных причин. Если на фоне личных причин, то кино очень близко к истории про любовь, но необязательно, потому что страстная любовь может иметь материальные и особенно нематериальные объекты обожания. Деньги делаются всегда. Вуаль личных отношений, брошенная на события, даёт больше эмоциональных сцен, что важно женщинам. Другой вариант — во имя государственных интересов — направляет сюжет в сторону экшен-кино в диапазоне от тайного агента до преступника. Это ближе мужской ауди-

тории. Если акценты по теме расставлены правильно и снято хорошо, то оно интересно всем. Например, чёрно-белое про разведчика в ставке врага или цветное о погибающем за корону и весь мир агенте секретной службы. А если личное соединить с государственным, получится сценарий, который реализовался в судьбе Пушкина».

То, что он опять обратился к Пушкину, стало привычным. Последние несколько месяцев эта тема требовала от него много времени — такова была его работа. Мысли о ней не отпускали, накладывая отпечаток на всё: на ход его рассуждений и на то, как Гребнев смотрел на происходящее вокруг.

Изучив афишу, он выбрал только начавший выходить на экраны второй сезон американского сериала о борьбе за престол. Название его сообщало, что речь идёт о Доме дракона, и тем намекало, кто обитатели этого дома и главные герои. Сериал имел огромный успех.

Гребнев включил показ и посмотрел две выпущенные серии. Продолжение истории рассказывало о развитии кровавой войны за корону и власть. На экране происходило кровопролитие с участием летающих драконов, призывами к мести и нанесению ответного удара. Драконы с воздуха сжигали людей огнём и эффектно бились друг с другом. Откровенной симпатии никто из героев у Гребнева не вызвал, но интрига удерживала его внимание до последнего кадра.

«Как умело киношники всё продумывают, — отметил он. — Снимают фэнтези-историю про драконов из древнего мира и предлагают её к просмотру сегодня, в год Дракона. На уровне подсознания подчеркивают актуальность смыслов. Грандиозные, в сущности, политические битвы за власть и драконы — почти дроны. Такой сюжет на фоне текущих международных событий и американских президентских выборов сам по себе обеспечит

интерес со стороны зрителей и успех картины в мировом прокате: все хотят скорее посмотреть последний эпизод и узнать, чем закончится».

Гребнев подумал, что подобные эпические истории не кончатся быстро и разыгрываются не один год. У авторов наверняка имеются большие планы на продолжение.

«Поговорю при случае о кино с коллегами, — закончил он размышлять о голливудской кинопродукции и подумал, что будет, если снять кино про то, чем занимается он. — Всем должно быть интересно, потому что всех и касается. Трудно поверить, но так оно и есть. Поиграть на контрастах: украли — отдали, великая тайна — простая история. Столкнуть героев и негодяев. В общем, изобразить тот же подвиг во имя родины...

Жанр выбрать, например, трагедийный, или нет, лучше комедийный боевик. Впрочем, жанр не важно какой, важно, чтобы всем было понятно, о чём кино. Сделать набросок сценария? Ну да, подписать и отнести Алексееву или Львову — они прочтут и одобряют мне по шее. Или будет скучно? Всё так обыденно, не происходит ничего динамичного, только разговоры на нервах. Люди не знают всей подоплёки, подумают, что это чистая выдумка, игра в детектив, и воспользуются кнопкой ускоренного просмотра. Дудки! Всё зависит от того, как снять. Если режиссёром выступит Львов, а постановкой займётся Алексеев, то будет очень даже интересно.

А можно роман написать в приключенческом жанре. Стиль протокольный, характеры попроще, чтобы не отвлекали от сути. Разъяснить вначале, что, читая об одном, думать следует о другом. Как в жизни: говорят одно, подразумевают другое. Самые прозорливые начнут с третьей страницы угадывать, где собака, которую убьют, и кто её закопает, только ничего не поймут.

Размечтался... Никто не поверит, что жизнь зависит от того, опубликуют или нет несколько листов старой тетради. Пусть не верят, даже лучше. Всем тайны знать не надо, и доверяют её не всем».

Гребнев улыбнулся. До того, как посмотреть фильм, он весь день напряжённо трудился: изучал служебные бумаги — справки, планы и отчёты — и проводил совещания с сотрудниками. Материалы по текущим делам требовали, чтобы он вник в суть и принял необходимые решения, сделал правки или корректировки текстов, дал указания своим людям, чем заниматься, пока будет отсутствовать несколько дней. Настало время разгрузить голову и выпить рюмку коньяка.

* * *

Олег Петрович Гребнев пребывал в возрасте сорока с небольшим лет. Он имел слегка заметную седину волос, маленький животик, который связывал с малоподвижным образом жизни, и являлся директором собственной компании по оказанию консалтинговых услуг.

Окончив юридический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Олег Петрович специализировался на политическом консультировании. Результаты его профессиональной деятельности обеспечили ему признание в среде потенциальных заказчиков. Он считался успешным консультантом высокого класса, способным решать задачи любой сложности в интересах нерядовых клиентов.

Выполнение поручений и заказов всегда требовало от консультанта соблюдения этики и непубличности в делах. Заказчиков, как правило, не интересовало, чем достигался желанный результат, которым они должны открыто и легально пользо-

ваться. Главное, чтобы сами они были непричастны к возможным скандальным или даже пограничным с точки зрения закона ситуациям, что могли сложиться во время выполнения их поручений. Такой подход устраивал Гребнева: о специфике работы и приёмах, которые иногда вынужденно применял ради удовлетворения потребностей клиента, он не распространялся. Гребнев выставлял напоказ законный во всех смыслах результат работы, да и то если клиент давал согласие. Гребнев тщательно следил за соответствием своей деятельности закону. Ответственные и одновременно серьёзные дела в рекламе не нуждались.

Как все политические консультанты, Олег Петрович продумывал планы и организовывал избирательные кампании для кандидатов на выборах разных уровней, представлял аналитические записки и сочинял доклады по темам, интересовавшим заказчиков, готовил и проводил общественные форумы, гражданские акции и культурно-массовые мероприятия в интересах властей, партийных и других общественных объединений. Среди его клиентов были и частные лица, — как правило, крупные бизнесмены, известные политики и просто состоятельные персоны, испытывавшие потребность разобраться в сложившихся обстоятельствах личной жизни. Например, таких, как развод и раздел имущества, получение оспариваемого наследства или создание публичного имиджа.

Олег Петрович старался угодить всем, кому надо. Его главный жизненный принцип заключался в преследовании выгоды — материальной или любой другой, но обязательно личной, — и отказывать клиентам в услугах, за которые можно было получить приличное вознаграждение, для него было неправильным. Со своей стороны Гребнев старался сделать работу наилучшим образом, чтобы, получая солидную плату,